

Павел Бажов

Уральские сказы
т. 3

ФТМ

Собрание сочинений

Павел Бажов

Уральские сказы – III

«ФТМ»

1952

Бажов П. П.

Уральские сказы – III / П. П. Бажов — «ФТМ»,
1952 — (Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4467-0912-0

В третий том входят очерковые и автобиографические произведения писателя, статьи, письма и архивные материалы.

ISBN 978-5-4467-0912-0

© Бажов П. П., 1952
© ФТМ, 1952

Содержание

Очерки	5
Уральские были	5
В детские годы	5
Сысертские заводы	7
Бары «исконные»	9
Турчаниниха	10
Пучеглазик	11
Заправилы	13
Палкин	13
Воробушек	13
Кузькино отродье	15
Рабочие и служащие	16
«Мастерко»	16
Приказные	18
Заводские	20
Приисковые	22
Спичечники и кустари	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Павел Петрович Бажов

Уральские сказы – III

Очерки

Уральские были

В детские годы

- Ты что не собираешься? Ревело уж!¹
- Ладно, без сборов. Отдохнем.
- Что ты! Отказали?
- Объявил вчера надзиратель – к расчету! Мать готова заплакать. Отец утешает.
- Найдем что-нибудь. Не клином свет сошелся. На Абаканские вон которые едут.²

Перед этими неведомыми Абаканскими мать окончательно теряется. Краснеет нос, морщатся щеки и выступают крупные градины – слезы. Старается сдержаться, но не может. Отец вскакивает с табурета и быстро подходит к «опечку», где у него всегда стояла корневая чашечка с махоркой. Торопливо набивая трубку, сдержанно бросает:

– Не реви – не умерли!

Мать, отвернувшись к залавку, начинает всхлипывать. Я реву. Отец раздраженно машет рукой и с криком:

«Взяло! Поживи вот с такими!» – захлопывает за собою дверь.

Вмешивается бабушка. Она ворчит на мать, на отца, на заводское начальство и тоже усиленно трет глаза, когда доходит до Абаканских.

Днем приходят соседки «посудачить». Винят больше отца.

– И когда угомонится человек?

– Мне Михаиле когда еще говорил – непременно откажут твоему-то.

– Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!

Начинают припоминать отцовские остроты, но они так круто посолены, что передают их женщины только «на ушко». Мать обыкновенно заступает за отца и, кажется, делает это не только «от людей», но вполне искренно. Она даже горячится, что так редко бывает при ее ровном, спокойном характере.

¹ «Уральские были (Из недавнего быта Сысертских заводов – Очерки)». Написаны в 1923–1924 годах, в период работы П. Бажова в областной «Крестьянской газете». Опубликовано свердловским издательством «Уралкнига» в 1924 году. П. Бажов рассказывал: «Общество «Уралкнига» возмнило себя не хуже столичного. «Джунгли» Киплинга решило издавать и другие подобные же произведения. Возникла известная неловкость. А Урал где же? Я сидел в это время в «Крестьянской газете», в отделе писем. Пришли ко мне: «Ты напиши что-нибудь об Урале». – «Не шуточно дело». – «Да что-нибудь». – «О сысертских заводах могу». Согрешил книгой, впервые со мной случилось. Показалось удивительно легко. Над словом не думал. Запас был. Писал так, как у нас говорят. Когда пишешь на материнском и отцовском языке, да о том, что сам видел – легко. Встает картина. Календарных дат не надо. Сблизить понятия, сопоставить. Книга эта меня и погубила. Отсюда все и пошло». «Уральские были» выходили впервые подвалами в журнале «Товарищ Терентий». (Из архива писателя.) Место действия очерков – сысертский горный округ в последнее десятилетие девятнадцатого века. В производственных и бытовых взаимоотношениях героев автором раскрываются типические общественные связи эпохи. Книга «Уральские были» вызвала положительные отклики в местной и центральной прессе.

² Железодобывательные заводы в Минусинском округе, бывшие Кольчугинские. (Прим. автора.)

Вечером приходит отец. Красные воспаленные глаза показывают, что выпито немало. Однако на ногах держится твердо, говорит громко, уверенно. Удивляется «тем дуракам, которые сидят в Сысерти, как пришитые».

– Уедем, и дело с концом! На Абакане, небось, не по-нашему. Чуть кто зазнался, сейчас приструнят. А у нас что? Попетан изъезжается, Балаболка крутит, и Царь ехидствует. А ты не могли слова сказать. Терпи – потому у тебя тут пуп резан. Найдем место. Вон там как живут!

Отцу не противоречат, по опыту знают, что хорошего ничего из этого не выйдет. Мне – малышу – отцовские планы кажутся заманчивыми, и я засыпаю с думой о далеком крае, где все не по-нашему.

Утром тяжелое раздумье – как быть? Оставить домишко, покос, огород!

Кому продать? А вдруг на Абакане не лучше Сысерти?

Бабушка и мать, конечно, против Абакана. Отец сдает: «Надо поискать где поближе».

«Поближе» – значит к Белоносихе, на спичечный завод. Но туда редко удавалось поступить. Обыкновенно там было переполнено рабочими, и работали они задаром. На мельницах тоже ничего не было. Оставалось «пытать счастья» в «городе».³

Отец недели на две, на три исчезает из дому. Мать усиленно работает днем и ночью, вконец изводит глаза: плетет широкие кружева или вяжет узорные чулки для заводских барынь. Не столько заработок, сколько взятка по женской линии.

Отец приходит угрюмый – нет работы. Ехать в Сибирь после неудачных поисков уже не собирается.

– Сходи к управителю-то, – говорит бабушка.

Отец хмурится и бормочет:

– Да уж, видно, придется, мать. В «поторжную» – и то не попасть без этого.

Начинается «выдержка»: «На той неделе побывай», «после Успенья зайди». Съедено уже все. На поденные работы в заводе отец, однако, не выходит. Знает, что все равно не примут, да и позором это считается для фабричного рабочего. Промышляет, чем придется: рыбалкой, старательством, сенокошением и т. д. Мать слепнет над ажурными чулками уже из самого тонкого шелка.

– Рассылка приходил. К управителю звали, – радостно сообщает она возвратившемуся с рыбалки отцу.

Это значит – конец измывательству. Отец поспешно одевается «по-праздничному» и уходит. Возвращается веселый: «Посылает в Полевской». Начинаются сборы. Отец обычно уезжает на следующий день «с попутными». А мы с матерью и бабушкой перебираемся потом, когда уже он получит «за половину».

Случай вроде описанного мне пришлось переживать в детстве не один раз. Разница была лишь в подробностях. Вместо Абаканских заводов иногда выплывали более близкие: Невьянский, Нязе-Петровский, прииск Кочкарь. Иногда отцу удавалось устроиться на время в Екатеринбург или на спичечном заводе в условиях, еще более тяжелых, чем в Сысерти.

Кончалось все-таки возвращением «к своему месту», которое, как тяжелая гиря, тянуло в кабалу к тем же владельцам Сысертских заводов, на которых работали и в крепостную пору. Отцом, видимо, дорожили за его работоспособность и ряд ценных навыков по пудлингово-сварочному цеху. Его лишь «выдерживали» и «проветривали», но совсем с заводов не «прогоняли». Может быть, помогала здесь редкая специальность матери: заводские барыни находили, что машинные кружева и чулки слишком грубы против сверлихиной⁴ работы.

«Проветривание» отца продолжалось обыкновенно год – полтора, редко меньше, и мы снова переселялись в свой сысертский домишко до той поры, пока отец опять не «забунтит».

³ Так безыменно звался Екатеринбург.

⁴ Уличное прозвание отца – Сверло. Прим. автора.

«Бунченье» отца было самого невинного свойства. Было у человека в запасе жесткое словцо и уменьше «оконфузить на людях». А этого заводское начальство, от самого маленького до самого большого, никак не переваривало. Начинались придирки, доносы... Кончалось обыкновенно «скандалом», после которого неизменное: «К расчету!»

В силу этих постоянных «проветриваний» отца мне в детские годы пришлось пожить – и не по одному разу – во всех заводах Сысертского округа. Не порывал связи с заводами и потом, хотя надо сказать, что эта связь была случайной. Знал лишь о выдающихся фактах заводской жизни: о смене начальства, о крупном недоразумении с рабочими, о каком-нибудь заводском «казусе».

С такой внешней стороны жизнь Сысертского округа была мне известна приблизительно на протяжении тридцати лет до начала войны четырнадцатого года. Многие из этой жизни, как я потом убедился, было типичным для всего горнозаводского Урала, поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией.

Должен оговориться, что постоянного касательства к заводскому делу я никогда не имел, поэтому многое, может быть, очень важное, ускользнуло от моего внимания. Я просто жил жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над «начальством», видел жизнь и работу этого «начальства» и хочу, как умею, рассказать об этом, охватывая главным образом восьмидесятые и девятые голы.

Сысертские заводы

– Здравствуй, матушка Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами!

Так пела «мастеровщина» о своем заводе и речке. Гор, правда, там нет, но небольшие увалы, отроги Уральского хребта, густо покрытые сосновым лесом, со всех сторон окружили завод и так «ловко стали» около речки, что дали возможность легко ее запрудить.

Четыре заводских пруда имеются на этой маленькой речке: Верхнезаводский – самый большой, Сысертский, на котором стоит главный завод округа. Механический и Ильинский.

По числу прудов было и число фабричных зданий. Верхний завод готовил, главным образом, шинное, узкополосное и круглое железо. Ильинский «гнал кровлю». В Сысертском наряду с прокаткой сортового железа работали и доменные печи. Механическая обслуживала потребности завода в токарных и слесарных изделиях.

Возле верхнезаводских фабрик был маленький поселок, домов около семидесяти, из которых значительную часть составляли заводские дома: для управителя, надзирателя и т. д. Вблизи Ильинского частных домов совсем не было. Механическая вплотную примыкала к окраине Сысертского завода – «Рыму». Все занятое в производстве население жило в Сысертском заводе, который широко раскинулся в северной части заводского пруда, а дальше тянулся по берегу Механического и в заречной части. Считалось в Сысерти в пору моего детства около двенадцати тысяч населения.

Кроме группы фабрик, расположенных по реке Сысерти, в состав округа входили Полевской медеплавильный и железоделательный завод – в сорока пяти верстах от Сысерти, и Северский чугуноплавильный и железоделательный – в сорока верстах. В Полевском считалось свыше семи тысяч населения, в Северском – около четырех тысяч.

Все заводы были окружены густым хвойным, преимущественно сосновым, лесом. Были в этих лесах и совсем глухие углы. Например, верстах в двадцати от Верхнего завода участок «Храпы» представлял собой непроходимую тущобу, где водился медведь, волк, дикий козел и лось. Козлов и лосей было так много, что их иногда забивали на Верхнезаводском пруду во время их перехода из «Храпов» к «Карасьему». Из «Храпов» лес обыкновенно брали только

для каких-нибудь фундаментальных сооружений: на «мертвые брусья» к плотине, на матицы, на ледорезы. Брусники в борах за Сысертью было так много, что осенью за ней шли длинные обозы из «крестьян».⁵ В заводской конторе за полтинник брали билет на право вывозки одной телеги брусники.

Около Полевского завода сосновый лес начинал смешиваться с ельником, пихтой, лиственницей. Особенно густы были ельники в «Саженом углу», верстах в тридцати от Полевского. Около Полевского встречались у колки липняков. Место было настолько глухое, что еще в девяностых годах здесь велось бортовое пчеловодство самым древним образом. Хозяин ставил на «своих деревьях меты» и осенью лез за медом. Были такие пчеловоды, которые исчисляли свои борты сотнями и не всегда их находили.

Кроме заводских селений, в черте Сысертского округа было несколько рудников и приисков, с возникшими около них поселками. Жители этих поселков в пору крепостничества звались «горнозаводскими крестьянами», «непременными рабочими заводов Сысертских». Такими же «непременными» они остались и потом, так как незначительные наделы и «неродимые» земли не давали им возможности кормиться только крестьянским хозяйством, заставляли работать на заводы: по добыче и доставке руды, возке угля, железа, чугуна и т. д.

Земли Сысертского горного округа были расположены в пяти волостях: Сысертской, Полевской, Северской, Полдневской и, частично, Щелкунской и представляли собой полосу верст в сорок шириной (с севера на юг) и верст семьдесят длиной (с востока на запад).

Границы Сысертской заводской дачи имели неправильную форму. Особенно изломанной была северная граница, которая узким выступом подходила чуть не к самому Ревдинскому заводу, захватывая полностью обе речки Вязовки и озеро Ижбулат, где возник первый поселок при разработке Дегтярского месторождения. По документам, в Сысертской заводской даче считалось 239 707 десятин 426 квадратных сажен, то есть около 2500 квадратных километров.

Из этой полосы часть была выделена для «непременных крестьян», которые имели покосы и кой-какую пашню, и для заводских обществ, которые имели лишь усадебную землю и покосы. Остальное принадлежало заводам «на посессионном праве». За какие-то смешные гроши, по устаревшей расценке XVIII века, владельцы пользовались лесами, рудниками, россыпями и – самое главное – имели возможность самым беспощадным образом выжимать пот из рабочего и крестьянина, которые своими крохотными участками были накрепко привязаны к округу и вынуждены были работать на условиях – «сколько пожалуют».

В заводских селениях считалось свыше двадцати тысяч населения да столько же было «сельских работников» в ближайших селениях: Авериной, Абрамовой, Косом Броде, Кунгуровке, Макаровой, Полдневой, Ново-ипатовой, Щелкуне и других. Огромное количество постоянных дешевых рабочих, великолепные леса и богатые руды давали заводским владельцам возможность получать большие доходы даже при самом первобытном способе оборудования завода.

Помню, мальчуганом я удивлялся оборудованию Полевского завода. Здесь медь плавилась в каком-то старинном котле, в который со всех сторон были проведены трубки – поддувалы. Чтобы очистить медь от примесей, расплавленную массу «дразнили», опуская в нее березовую палку, чуть подсушенную. Древесный сок вызывал бурление, и на крышу летела «медная пена» – мелкие шарики, которые мы, ребяташки, охотно собирали для игрушек. Взрослые, кстати сказать, тоже иногда собирали «медную пену», но уже по другим соображениям. Они приписывали ей лекарственное значение – сращивает переломленную руку или ногу, помогает от грыжи, желудочных болей и так далее.

⁵ Рабочие заводов сами поголовно значились крестьянами Сысертской, Полевской и Северской волостей, но называли себя «заводскими», а «крестьянами» звали жителей сел и деревень, где занимались хлебопашеством. (Прим. автора.)

Низенькое здание медеплавильной с толстыми закопченными стенами, котел и почерневшие от времени трубы напоминали о глубокой старине. Казалось, вот-вот покажется думный дьяк Винуус, с приказом которого связано начало заводского дела в этом месте. Этот думный дьяк, по тогдашнему моему пониманию, представлялся в виде заводского дьячка Петровича, с лохматой головой, вышибленными в пьяной драке зубами и покривившимся носом.

Капиталистического предприятия, которое из конкуренции стремится к новой машине и техническому улучшению, в Сысертских заводах совсем не было видно. Здесь просто велось огромное помещичье хозяйство с самым упрощенным выматыванием жил рабочего и крестьянина. Зачем было тратиться на новые машины да еще держать специалистов-инженеров, когда свои «доморощенные» правители умели без новых машин выколачивать достаточно?

Было все так ясно, понятно. Потребуется владетель внеочередной куш – правители пошлют. Пошлют сразу без разговоров. И даже больше: как-нибудь этот неожиданный расход сумеют покрыть. Сведут ближайший лесной участок, начнут брать руды только с ближних рудников, заложат, что можно – но деньги в срок доставят и перерасход замажут. Какое значение эти неожиданные барские требования имели для производства – об этом мало кто тревожился: была бы выполнена «барская воля».

Бары «исконные»

«Коренные, родовые, исконные» бары для Сысертского округа были Турчаниновы, которые владели заводами с 1759 года. Их фамилией часто назывался весь округ и его фабрикации: турчаниновские заводы, турчаниновское железо, турчаниновская пристань.

В пору крепостничества Турчаниновы по своему усмотрению выселяли, вселяли и переселяли «своих горнозаводских». Известно, например, что Полдневая, бывшая когда-то крепостной против башкирских набегов, была населена «мастеровыми Турчанинова». Село Кунгурское «заселено» в 1826 году крепостными, «перегнанными» из Полевского завода. Были случаи переселений чуть не накануне падения крепостничества. Так, в деревню Щербаковку Марк Турчанинов переселил своих крепостных из деревни Салтыковой, Пензенской губернии, в 1846 году.

Это переселение из центральной России в половине пятидесятых годов, между прочим, показывает, что на Урале Турчаниновы чувствовали себя более уверенно. Если в средней России уже заколебались устои крепостничества, то на далеком Урале они еще казались, видимо, крепкими. Здесь даже официально крепостничество держалось много дольше, чем в средней России. Бывшим своим крепостным верхоуказам и новоипатовцам Турчаниновы удосужились выделить землю по уставным грамотам только 1 сентября 1879 года.

В конце прошлого столетия Турчаниновы представляли не более как старое имя. Фамилия Турчаниновых давно уж разбилась на ряд ветвей. Приплелись сюда люди с другими именами, они приспособились к владельчеству «с бочку»: получили какую-нибудь долю в приданое за дочерью или «владельческой племянницей». Эту владельческую мелочь старые заводские служаки, гордившиеся былым могуществом Турчаниновых, презрительно называли «заводскими пьявками».

Дробность владения позволила более ловкой и близкой к верхам семейке Соломирских скупить большую часть владения и стать тем заводским баринком, прихотью которого определялось заводское производство. Во времена моего детства как раз заканчивалась борьба Соломирских за владение с последней Турчаниновой. Так и говорилось: на половине Турчаниновой, на половине Соломирского, но больше «половины» звались по управляющим, которых тоже было двое: Трубин и Черкасов. Нужно сказать, что рабочие и служащие, кроме «прихвостней», относились к этой борьбе с насмешкой.

Борьба, однако, была слишком неравна. У Соломирского было девяносто частей владения, а у Турчаниновой таял последний десяток, переходя через вторые и третьи руки к ее противнику. К концу восьмидесятих годов Турчанинова была сведена на положение «прихлебательницы», с которой перестали считаться. Ее дети уже вовсе не имели никакого значения. Единственным владельцем заводов остался Соломирский.

Турчаниниха

«Марья Антоновна – ангел небесный», – говорили о ней заводские «присудари» и их жены. Слово «небесный» обязательно прибавлялось. Думали, видно, что одного слова «ангел» мало.

«Марейка-сука», – коротко определяла мастеровщина.

Одни в своем определении налегали на внешность, другие – на внутренние качества. Даже в пору увядания Турчаниниха была красивая, хорошо одетая женщина. Немудрено, что в годы молодости она закружила, завертела последнего Турчанинова и разорила его дотла. Мотать она умела мастерски. В последние годы своего владения, не выезжая из Сысерти дальше Екатеринбурга, она ухитрялась спускать такие суммы, которые по тому времени были огромными. Иногда, впрочем, на нее находила полоса экономии и хозяйственности. Что это была за хозяйственность, лучше всего показывает «индюшачий завод».

Турчаниниха как-то узнала, что в Екатеринбурге на базаре индюшки дороги, и решила устроить специальный «индюшачий завод». Для начала под индюшек был отведен нижний этаж бывшего турчаниновского дома в Екатеринбурге. Потом одного этажа оказалось мало, пришлось переселиться в верхний. Увлечение продолжалось несколько лет. К столу подавались «свои» индюшки, но когда Турчаниниха спросила, можно ли часть индюшек пустить в продажу, то приставленный к этому делу «счетный человек» объяснил, что продавать-то нечего, да и «своя» индюшка не может пойти по рыночной цене: она раз в десять дороже. На этом «индюшачья затея» и кончилась. В результате пришлось вывозить из дома целые горы птичьего помета, заново отделять дом, перестилать паркетные полы, перекрашивать стены и т. д.

Около Турчаниновой – пышной вдовы – постоянно вертелась целая стая фаворитов, которых мастеровщина звала «ейные кобели». Выезд этой группы куда-нибудь на прогулку с барыней назывался «собачьей свадьбой».

Нам, ребятишкам, было всегда очень интересно взглянуть на эту кавалькаду. Очень уж тут необыкновенные люди бывали. Тут и гусар в ярком костюме, вроде петуха, тут же какой-то необыкновенно вертлявый человек со стеклышком в глазу и огромным пестрым платком на шее. На тяжелой вороной лошади выезжал огромный толстый детина с красной грудью, в удивительной шапке, на которой развевался конский хвост; рядом гарцовал на поджарой лошадке ловкий берейтор-поляк, он нравился нам своим удалством, веселой речью и какими-то необыкновенными усами с распущенными кончиками. Иногда в своре «ейных кобелей» торжественно ехал сам заводский «отец дьякон», красивый рослый мужчина с мягкой бородой, румяным лицом и пышными кудрями. Его присутствие нам казалось всего занятнее, так как было известно, что дьякон ездил не совсем по своей воле и что после каждой такой поездки ему приходится переживать трудные минуты, когда «мать» – дьяконица» начинает «при людях» читать ему на всю улицу наставления о правилах супружеской жизни.

Раньше Турчаниниха, говорят, любила ездить верхом, но я видел ее только в коляске рядом с каким-то чучелом в чепчике, которое она возила с собой «для отводу глаз».

Из свиты Турчанинихи я назвал только наиболее заметных. Их было много не только при выездах, но и в остальное время. Веселые люди, балагуры, красивые самцы с пустым кошельком постоянно толклись в турчаниновском доме. На еду и попойки уходили те средства, которые получала Турчаниниха от Сысертских заводов. У барыни была одна печаль – денег ей

недоставало. Вот и воевала с своим совладельцем, чтобы получить побольше. Помогали ей и ее «кавалеры». Один даже, как говорили, пытался выступить в роли управляющего «турчаниновской половины», но оказался шулером, которого побили в день назначения.

Раньше труд рабочих Турчаниновы разматывали по заграницам, потом перенесли мотовство в столицы, чтобы кончить эту свистопляску в Сысерти, где куча пьяных негодяев с «Марейкой-сухой» во главе как будто специально старалась показать рабочему, куда и на что уходят его пот, силы, здоровье. Рабочий, износившийся окончательно за двадцать лет «огневой» работы, видел, что от его труда не только в его жизни, но и на предприятии ничего не прибавлялось, ничего не улучшалось.

Развалины огромных оранжерей, где выращивались фрукты юга, были, пожалуй самым подходящим памятником семейке Турчаниновых...

Пучеглазик

Первого из владельцев Соломирских я не помню. Слышал лишь, что он был из офицеров какого-то кавалерийского полка. Мастеровые звали его даже генералом. Как кавалерист он больше всего возился с лошадьми, устроил даже конский завод, который после его смерти весьма быстро растаял. Дебош и пьянство были ему не чужды, но, видимо, была и «прижимистость», если он сумел прибрать к рукам все крошки, которые сыпались с пьяного турчаниновского стола, и передал своему наследнику свыше восьмидесяти частей владения.

Этому наследнику пришлось лишь закончить борьбу с последней Турчаниновой. Борьба была не особенно трудной, и Дмитрий Павлович Соломирский стал единственным владельцем заводов. Про него мастеровые говорили: «Митрий Павлыч у нас – душа-человек, только в заводском деле «тютя»». Добродушно-пренебрежительное отношение к нему сквозило и в заводской кличке – «наш Пучеглазик».

Этого дельца я стал знать, когда он уже был пожилым человеком с седыми, коротко подстриженными усами. Самым заметным в его наружности были обвислые щеки и вытаращенные глаза. По одежде он ничем не отличался от служащего средней руки. Только фуражка с «дворянским (красным) околышем», которую он носил зимой и летом, была необычной в заводском быту.

Смолоду Соломирский жил вне заводов, но в пору моего детства он уже почти безвыездно сидел в Сысерти.

Летом разъезжал по своему обширному поместью с фотографическим аппаратом, ружьями и рыболовными принадлежностями. В наиболее красивых уголках Сысертской лесной дачи у него были «понатыканы» охотничьи и рыбацкие домики, и старик здесь жил созерцательной жизнью любителя природы, которому нет дела до рабочих, задыхавшихся в «огневой» и надрывавшихся в рудниках.

В зимнее время Соломирский редко выходил из своего довольно обширного дома, обращенного им в музей. Только доступа в этот музей не было. Потом оказалось, что он работал в области изучения пернатых Урала, а так же как коллекционер.

Занимался Соломирский, как и полагается «добродетельному барину», благотворительностью, хотя справедливость требует отметить, что эта благотворительность была неприлично грошовой. Строил хибарки старухам (старикам не полагалось) и усиленно возился с детским приютом, куда принимались только девочки – круглые сироты. Этим сирот «воспитывали»: учили грамоте, рукодельям, пению, чистенько одевали и готовили... в горничные для «хорошего дома». Шли, конечно, приютки и дальше по той дорожке, по которой обыкновенно направляли из «хорошего дома» молодых девушек. Об этом знали все. Даже в заводских песнях соболезнавали «милке-сироте с черными бровями», у которой «от Сысертских крутых

гор путь на «Водочну» пошел». ⁶ Всего этого владелец заводов как будто не слышал и не знал, оставляя «сироток» в прежних условиях.

Но это не все. Было еще одно, что делало этого внешне «благодушного» старика вреднейшим человеком для заводского предприятия и связанного с этим предприятием населения.

У «благодетельного барина» была барыня и дети. Какими «добродетелями» отличалась барыня – не знаю, слышал лишь от заводских служащих, что она «где-то там вращалась и блистала». Как и где она «вращалась», об этом в заводе знали смутно. Одно было хорошо известно, что свыше двухсот тысяч рублей, получаемых Соломирским от заводов, уходило без остатка на это «блистание и вращение». Иногда этой суммы даже недоставало, и старик требовал «дополнительных».

В заводах эта «блистательная» барыня была, насколько помню, один раз. Слух о приезде пришел с весны. Но дело затянулось до середины лета. Приехала жена владельца как-то неожиданно, поздним вечером, и немногие видели ее «поезд». В ближайший летний праздник, – какой-то пустяковый, когда не ожидалось даже порядочной драки молодяжника, – народу в церкви и около набралось полным-полно. Необыкновенным казалось, что мужчин было не меньше, чем женщин: рабочие пришли посмотреть на дорогую игрушку старого барина. В толпе сновали полицейские, которых по стародавней привычке звали в заводе «казаками». Становой, в новеньком мундире, размахивая кулачищем, «честно просил держать строгий порядок». От заводского дома до церкви, через площадь, образовалась широкая живая улица. Ребятишки взобрались, куда повыше, или шмыгали под руками старших вдоль живой дорожки.

Открылась парадная дверь владельческого дома, и показалась барыня – некрасивая и уже немолодая женщина, разодетая в какое-то необыкновенное платье с турнюром, по тогдашней моде. Рядом с ней шла девочка, дочь. Сам Пучеглазик был одет тоже по-особому: в невиданной шляпе с белыми мягкими перьями (плюмаж), в белых штанах, в расшитом золотом спереди и сзади мундире (он имел какой-то придворный чин: гофмейстера или егермейстера). Дальше шли какие-то приезжие гости. Прошли в церковную гуцу, где только усиленным мордобойством полиции удавалось сохранить дорожку и место впереди. В толпе, оставшейся на улице, идут разговоры. Женщины судят о наследнице и пышном турнюре барыни. Этот «барынин зад» заметили и рабочие.

– Видел зад-то?

– Подушка ведь. Известно.

– В подушку-ту эту и робим!

– Так видно. У Пучеглазика-то ведь тоже позолочено.

– Старайся, ребята, может, еще кому вызолотим. Тогда и помирать можно, – шутит старый заводский балагур – Стаканчик.

Это уже похоже на «бунченье». Раздаются предупреждающие голоса:

– Ладно. Ему все смехи! Домой не оставишь – бабам рассказать.

Толпа начинает редеть.

Уехала барыня, а на заводах продолжалась работа «в подушку» и на «золоченый зад». Старик Соломирский благодушествовал, наслаждался созерцанием и... посылал деньги своей барыне.

Управление округом было полностью в руках управляющих. Владелец подбирали так, что только руками разведешь, когда вспомнишь. Когда Соломирский был помоложе и вел борьбу с последней Турчаниновой, на заводах в заглавных ролях бывали инженеры.

Тибо-Бриньоль, Карпинский, Гайль, Пономарев пытались работать в Сысертских заводах, но «не ужились» из-за того, что настаивали на целом ряде нововведений и частичном переоборудовании. Эти расходы на улучшение предприятия, видимо, не сходились с интере-

⁶ Улица притонов в Екатеринбурге в: дореволюционное время. (Прим. автора.)

сами «барыниной подушки», и инженеры ушли. Их сменили своя возвращенные барами «самородки», которые не мелькали так быстро, как инженеры, а сидели на местах крепко, подолгу, – владельцу на усладу, рабочим и предприятию на разор.

Эти умели угодить «барину»: деньги доставляли, новшества не заводили и без наук обходились. «Доморощенных» управляющих на протяжении последних тридцати лет до революции было только трое. Каждый из них был, как говорится, молодец на свой образец. Поэтому стоит о каждом сказать особо.

Заправилы

Палкин

Управитель, у которого не было обычного в заводах прозвища. Видимо, фамилия казалась подходящей кличкой.

Детина саженного роста с зычным голосом. Раньше он был «караванным». «Караванный» – это сплав барок с железом по быстрине Чусовой, гоньба на косных, наскок, матерщина и водка. «Смачивание боков» при выходе на широкую воду и «помин убитым баркам». Дальше нижегородская ярмарка и Лаишев, куда сплавлялись тогда изделия Сысертских заводов. Пьяные купцы и пьяные продавцы, которые, однако, не должны терять в пьяном угаре расчета. Уметь всех перепить – главное достоинство «караванного». Требовалось и другое деликатное искусство – «смазки». Оно нужно было во многих местах: при подходе барок к разгрузочному месту, при отводе запасных барок, при разных «недоразумениях с артелями грузчиков» и т. д. На этот случай, правда, держались «особые специалисты», которые в искусстве смазки дошли до того, что могли проигрывать в карты «нужному человеку» ровно столько, сколько было назначено. Но руководителем этого тонкого дела все-таки был «караванный».

И вот этот «караванный», прошедший высшую школу пьяного дела и изучивший потаенные ходы взятки, вдруг назначается управляющим округа. Прельстился, должно быть, владелец крупной фигурой Палкина, или, может быть, рассчитывал, что человек, умеющий орудовать около воды и водки, сумеет работать и среди огня и железа.

Назначение Палкина было так неожиданно, что даже осторожный заводской служака – главный бухгалтер не удержался и недоумевающе спросил:

– Неужели, Николай Порфирьевич, вас управляющим назначили?

– Говорят, что так, – угрюмо буркнул свежее испеченный заводской властитель.

Правил Палкин, как и следовало ожидать, по-особому. Преобладала быстрота наездов, мгновенная ревизия, «цветок»⁷ и водка.

Кончилось дело тем, что этот управляющий установил необыкновенно быструю связь с заводами. Расстояние в восемь верст до Верхнего завода покрывалось его тройками в очень незначительный срок. Но этого казалось мало неутомимому заводскому «деятелю», и он загонял одну тройку за другой. Это продолжалось до тех пор, пока окончательно не убедились, что человек просто в длительном припадке белой горячки.

Тогда только решили «сдать» спившегося Палкина в «архив».

Воробушек

После Палкина управляющим был назначен верхнезаводский управитель Иван Чиканцев, по заводскому прозвищу «Воробушек».

Этот был полной противоположностью своему предшественнику.

⁷ Так назывался букет похабнейших ругательств.

Очень маленький ростом, который Воробушек старался увеличить каблуками чуть не в четверть аршина, мягкая речь, веселые вороватые глаза, балагурство и вообще признаки «демократического обращения с подчиненными».

Было у Воробушка и образование, хотя не «ахтительное»: учился не то во втором, не то в третьем классе классической гимназии. А это среди тогдашних заводских служащих ставилось высоко, – Иван, умевший написать свое имя латинскими буквами, казался уже не простым Иваном, а «человеком с образованием».

В производстве Воробушек, как говорили, «ни шиша не понимал». Но по фабрикам бегал усердно и свою беспомощность умел ловко маскировать. Еще более ловко умел пользоваться всяким случаем, чтобы показать владельцу и рабочим, что заводское дело при нем – Воробушке – процветает.

Помню, раз к осени, вследствие дождливого лета, вода в Верхнезаводском пруду оказалась на самом высоком уровне, какой даже не каждую весну бывал. Сейчас же по этому случаю торжество. Угощение рабочим (водка, конечно), песенники, балалаечники, фейерверки, катанье на лодках и речи: «Вот-де, в первый раз, как стоят заводы, – удалось...», и т. д.

Рабочие, разумеется, ухмыляются и, расходясь домой, говорят:

– Ишь, втирает очки Пучеглазику!

– А тот, поди, думает: молодчага Чиканцев – к осеня полный пруд скопил.

– Как не скопишь, ежели этакой сеножной ныне стоял.

Иногда случаи для торжества специально выискивались.

Каждую зиму из Оренбурга на верблюдах привозили баранину для продажи заводскому населению, а обратно верблюды грузились поделочным железом. Явление самое обыкновенное, но Воробушек и тут отметил торжеством «рост» торговли, когда однажды верблюдов пришло больше, чем в предыдущем году.

Выставочные награды за изделия заводов сопровождались общезаводскими торжествами.

Всякого рода юбилеи, в том числе и его собственный – десятилетие управления, – проводились так, чтобы лишний раз нашуметь о процветании Сысертских заводов.

К десятилетнему юбилею Воробушка ловкому конторскому человеку поручили даже составить книгу, где, по документам архива, была рассказана история заводов с неизбежным направлением «на процветание» в пору Воробушка. С документами, впрочем, не особенно церемонились. Один печатный лист, не понравившийся почему-то владельцу, «изъяли» во время печатания.

Так, Сысертские заводы под управлением Воробушка – а оно продолжалось свыше десятка лет – все время, без перерыва, «цвели и цвели», пока вдруг не «отцвели». Но к этому времени Чиканцев уже сколотил себе домишко в Екатеринбурге, купил паровую мельницу в Камышловском уезде, своих дружков Иванушек протащил в дипломированные Иваны Иваннычи за заводский счет. Для них даже вносились специальные стипендии в высшие учебные заведения, и это давало им возможность поступать без конкурса.

По отношению к техническому образованию детей рабочих и мелких служащих Воробушек вел другую линию.

Совсем отказывать по тому времени уже было нельзя, так как в Уральском горном училище и в Кунгурском техническом имелось несколько заводских стипендий. Из-за них шла борьба, и ловкий управляющий пользовался ею в своих целях. Стипендии в его руках часто служили приманкой, на которую он ловил нужного ему служащего или рабочего. Но технически грамотных людей Воробушку все-таки было не нужно в заводах. И когда молодые техники и горняки, закончив образование, являлись на заводы, их ставили в такие условия, что большинство уходило. Оставались на службе лишь дети особо приближенных, но и те держались в черном теле.

Не любил Воробушек чужой грамоты, да и было почему. Ведь его управление представляло собой сплошное втирание очков, и технически грамотный человек был ему помехой. В управители отдельных заводов Воробушек подбирал «своих» людей, которые бы не «умствовали». Один из них – верхнезаводский управитель, не только не имел склонности к «умствованию», но даже кое-как подписывал свою фамилию. Зато малограмотный управитель мастерски играл на гитаре и лихо плясал на торжествах. А это в пору Воробушка было чуть не самым главным. Процвetaют заводы – ну, и радуйся, пой, пляши! Чем круче коленце, тем приветливее улыбка ласкового управляющего, который, выставив свое внушительное брюшко, благодушно смотрит на веселье своих подчиненных.

Когда затихла торговля железом, оживление которой наблюдалось во время постройки Сибирской железной дороги, всем стало ясно, что оборудование заводов никуда не годится и никакой конкуренции с южными заводами они выдержать не могут.

Рабочие оказались без куска хлеба и вынуждены были куда-нибудь уходить или уезжать в поисках работы. Приток денег в карман владельца прекратился.

Таков был конец «славного правления» Воробушка. Старик владелец, обеспокоенный исчезновением дохода, решил спасти дело выбором нового управляющего.

Кузькино отродье

«Героем» оказался северский управитель Мокроносов, по заводскому прозвищу «Кузькино отродье».

Это был, не в пример своим предшественникам, настоящий заводский человек, который побывал чуть не на всех заводах в разных мелких должностях: надзирателя, смотрителя и т. д. Не шутя он считал себя специалистом. Был у него, как говорили, даже какой-то «диплом», который он получил на военной службе в саперных частях. Претензии он во всяком случае имел большие и усиленно строителствовал в Северском заводе и на так называемом Крылатовском прииске еще в пору управления Воробушка. Злые языки, впрочем, говорили, что это строительство было похоже на воробушковы торжества – то же втирание очков, только другим способом. Так ли это – не могу уверять. Знаю лишь одно, что он «сооружал» драгу для прииска чуть ли не по своим чертежам. По крайней мере мне пришлось случайно на станции Мрамор слышать, как Мокроносов уверял, что его драга будет лучше тех, которые он только что осматривал в Невьянском заводе.

Действительность, однако, не оправдала смелых надежд строителя – драга оказалась негодной. Она, при первой же пробе, не просто затонула, а даже перевернулась. Словом, получился «конфуз», и часто эта мокроносовская драга упоминалась в речи, заменяя собой слово «головотяпство».

За управление Сысертским округом Мокроносов взялся решительно и сразу повел такую жестокую политику снижения «жалованья» и введения черных списков, что рабочие взвыли, вспомнив известного при крепостной зависимости Кузьку, которому новый управляющий приходился внуком. Только внук употреблял другие приемы. Вместо решительного приказа он «действовал убеждением и примером».

«Я вот сам, как управляющий, должен получать восемнадцать тысяч рублей в год, а буду получать только шесть».

Чувствуйте, понимайте и берите пример! По этому примеру получилось что-то совсем дикое для рабочего: вместо рубля стали платить тридцать пять – сорок копеек в день. Даже грошовые пенсии, которые давались инвалидам и сиротам, были в большинстве сняты. Словом, установилась безудержная экономия во всем, кроме доходов владельца.

– Ему-то не резон терять, когда мастеровые не могут себя обработать! – говорил управляющий.

– Пусть побольше вырабатывают, тогда и заработок увеличится. Потерпеть придется.

Рабочему стало нечем жить, и новоявленный экономист был взят за жабры, да так, что едва успел увернуться. Прихвостни ухитрился-таки вытащить его из разбушевавшейся толпы рабочих и сумели устроить ему побег.

Вместо управляющего в Сысерть прибыли ингуши и драгуны, началась расправа и вылавливание.

Сам управляющий с той поры в Сысерти не показывался. Нельзя было ездить и на другие заводы округа. Так он и правил издали. Жил в Екатеринбурге, в том самом турчаниновском доме, где когда-то был «индюшачий завод», и отсюда правил беспокойными заводами. «Правление» было такое же, как сначала: снижать заработок и освобождаться от бунтарей. Тех, кого подозревали в «наклонности к бунту» (так и говорилось), выкуривали из заводов, отказывая им, а иногда и их родственникам, от работ на заводах.

Это продолжалось вплоть до того момента, когда пролетарская революция произнесла свой справедливый приговор над последним управляющим Сысертских заводов. В первом же списке расстрелянных на одном из первых мест рабочие увидели ненавистное имя: Мокроносов Александр Михайлович – бывший управляющий заводами Сысертского горного округа.

Рабочие и служащие

«Мастерко»

Между пятью и шестью часами утра и вечера на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника – «мастерка», как его звали.

В рубахе и в штанах из синего в полоску домотканного холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке, быстро шел «мастерко» по заводским улицам. Обменивались друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матеркам – иной раз угрожающим, иной раз безобидным.

Зимой к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полушубчишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи, куда сваливалась верхняя одежда на фабрике. Колодки, похожие на деревянные коньки, прикреплялись к пимам обычно наглухо и уже с них не снимались. Некогда было после двенадцати часов работы у огня возиться со сниманием колодок. Так и шли по улицам, как по фабричному полу, поднимая пыль летом, скользя по утоптаным дорожкам зимой и трамбуя грязь весной и осенью.

Это, впрочем, было обычным только для тех, кто работал в Сысертском заводе. Не у всех было такое удобство. Некоторым, в виде дополнения к рабочему дню, приходилось еще ежедневно «бегать» по нескольку верст.

Из Сысерти рабочие ходили на Ильинский листопрокатный завод и на Верхний – железоделательный. Ильинский был недалеко от Сысерти – верстах в двух от центра завода, до Верхнего же по тракту было восемь верст. Прямой дорогой через пруд было ближе – верст пять. Рабочие обыкновенно пользовались этой дорогой; летом их подвозили версты две по заводскому пруду на пароходе и грузовой барже. Пять верст ежедневной пробежки с неизбежными задержками летом при посадке на пароход прибавляли к рабочему дню лишних три-четыре часа, и положение верхнезаводских рабочих было самым невыгодным.

Этим заводское начальство пользовалось в своих целях. Перевод на Верхний был чем-то вроде «первого предупреждения» для тех, кого заводское начальство считало нужным «образумить». Так и говорилось: «На Верхний побегать захотел?» «Хотенья», конечно, не было, и многие «смиряться».

Попавшие на Верхний завод принимали все меры, чтобы выбраться в Сысерть. Иной раз это толкало некоторых слабодушных в разряд «наушников» и подхалимов, которых остальным приходилось «учить». «Учь» производилась под покровом «заводских» драк, когда не только «мяли бока и считали ребра», но и били стекла и «высаживали рамы» в домах «исправляемых». Попутно иногда доставалось и жене, особенно в тех случаях, когда было известно, что «у него баба зудит». Такой «зудящей бабе» и влетало, хотя это было редкостью: считалось неудобно «счунуться с чужой бабой».

Нужно отметить, что и сами верхнезаводские участвовали в этих драках вместе с остальными рабочими, так как «наушничество» им, пожалуй, было даже страшнее: грозило увольнением с заводов.

«Людей строгого нейтралитета», забитых и смиренных, в этих свалках частенько тоже встряхивали. Тем более, что «учь» производилась всегда в пьяном виде, а пьяному где разбирать разные тонкости: подхалим али божья коровка. Один другого лучше!

Положение ильинских рабочих было много лучше. У них была своя специальность – кровельный лист. Требовала она особых навыков, поэтому оценивалась выше. Этим, вероятно, и объясняется, что попавшие на Ильинский завод не стремились уходить оттуда, считая, что некоторое повышение заработка вполне вознаграждает их за ежедневную прогулку. К тому же и расстояние было пустяковое.

Среди шмыгающих колодками рабочих немало было и подростков, порой совсем еще малышей. Это «шаровка».

В «шаровку» принимались дети в возрасте от двенадцати лет. Заводскому начальству не было дела, под силу ли детям этого возраста кочегарные работы. Было бы дешево!

«Шаровка» по своему костюму старалась не отличаться от взрослых. Тот же домотканый синий холст, шляпенка, валенки и колодки. Последние делались даже толще обыкновенных – по ребячьему делу, «шаровка» гордилась своей «огневой» работой и старалась это подчеркнуть.

В глазах заводских малышей «шаровка» казалась чем-то заманчивым, героическим: «Легко ли? Работают «по огневой», ходят на колодках, дерутся в заводских драках!»

Матери тоже относились к ребятам, работавшим на фабрике, по-особому. Смотрели на них, как на взрослых, в исполняли некоторые ребячьи капризы.

Одним из самых распространенных капризов было требование шаровщиков заменить «аржанину – крупчатошным».

– Отягу нет с нее – с аржанины-то твоей.

Мать пытается разубедить, указывает на «крестьян»:

«Аржаной едят, а поздоровее наших заводских». Малыш – рабочий, однако, стоит на своем:

– Работа у них не та. Не у огня стоят. А ты вот попробуй сама – побросать «паленьговски» – то дрова. Не квартирник ведь! Какой отяг будет с аржанины? Живо прогонят!

Мать, конечно, и сама понимает, что возиться с полусаженными плахами около жерла пудлинговой печи вовсе не под силу подростку и идет на уступки. Ржаной хлеб заменяется самым низким сортом крупчатки.

В «крупчатошном» было своего рода щегольство «шаровки».

Не чужды были этому щегольству и заводские женщины. Многие из них старались показать, что они живут хорошо – «крупчатошный едят». Желание щегольнуть друг перед другом особенно было видно в обеденную пору, когда со всех концов завода женщины с узелками шли на фабрику – несли обед мужу, сыну, брату, отцу.

Время обеденного перерыва, между одиннадцатью и двенадцатью, так и звалось «бабым часом».

Около фабричных зданий везде были видны пестрые группы женщин. Старух мало. Одеты почище, но не по-праздничному. Шутки, смех, «загогулины с крутым поворотом» со стороны рабочих. Взвизгивание, хихиканье и взаимная слежка у женщин.

– Смотри, Елесиха-то третий пирог в половину принесла.

– Она – старуха заботливая. Сама не съест, а ребятам притащит.

– А вон видишь, Степанька чем мужа кормит? На черном куске держит.

– Покушай, значит, милый муженек, мою неудачу да фартук с кружевами мне купи.

Молодая красивая женщина в фартуке с кружевными концами слышит эти пересуды. Краснеет, готова заплакать. Муж что-то говорит ей, видимо успокаивает, но и сам смущен.

В «огневой» не заработать белого куска считалось зазорным. И многие дома голодали, чтобы только «на людях» показать кусок получше. Верхом женской заботливости считался рыбный пирог.

Эта «бабья слава», в которую, кроме показного обеда, входили и занавески на окнах хибарки, и платье по-городски, иной раз дорого стоила рабочему. В лучшем случае она толкала его на поиски дополнительного заработка в часы отдыха, что, конечно, преждевременно делало рабочего инвалидом. В худшем – начиналась погоня за местечком «потеплее», наушничество, подхалимство, чтобы пробраться в ряды заводских служащих.

Питанию детей «бабья слава» тоже вредила. Заработок рабочего был таков, что его еле хватало на прожитье, – и всякая даже самая скромная потребность одеться почище или украсить свою избушку «немудрящей занавеской» была уже не по карману.

Приказные

Всех служащих, начиная с управляющего и кончая самым маленьким канцеляристом, фабричные называли общим именем приказные или «приказея». Эта приказея делилась на несколько групп: судари или начальство, присудари, шоша, кричные жомы. Отдельно стояли расходчики, которых на всех пяти заводах округа неизменно звали собаками.

Судари – это управляющий, управители отдельных заводов, караванный, плотинный, надзиратели заводов, смотрители приисков – словом, все те, кто имел право увольнения и приема рабочих.

Присудари – это люди конторского труда. Их работу мастеровые плохо знали и определяли по-своему: «Сидит в конторе, присудыркивает. На счетах щелкает да бумажки пишет».

В действительности этих присударей: конторщиков, счетоводов, чертежников, вплоть до главного бухгалтера, заводское начальство выматывало порой не хуже, чем мастеровых. Большинство из них за четвертную в месяц вынуждено было проворотить столько работы, что приходилось корпеть над ней целые ночи напролет, гремя костяшками или поскрипывая пером.

К присударям близко подходила так называемая «шоша» – мелкое заводское начальство: «уставщики», надсмотрщики, надзиратели цехов... «Шошу» заводское начальство также держало в черном теле: плохо оплачивало и часто смещало. Положение этих служащих, между тем, было, пожалуй, трудное: слишком усердствовать – рабочие изуродуют, не усердствовать – начальство сместит и с заводов «прогонит». Сами недавние рабочие, отличавшиеся от остальных только высокой квалификацией и кой-какой грамотностью, они в большинстве своем старались не разойтись с рабочими. Но тогда начальство находило их «неспособными к делу» и заменяло другими до тех пор, пока не находило «подходящего человека». Такой «подходящий человек» оказывался совсем «неподходящим» для рабочих, и они старались его убрать. Обыкновенно в этом случае применялся «служебный подвох»: уничтожение записей, порча материалов... Если этим путем не могли добиться результата, то пытались «выучить». Выучка нередко кончалась инвалидностью для выученика. Но не всегда так бывало. Некоторым при-

хвостням начальства удавалось крепко стоять на месте и держаться целыми десятками лет, а иногда даже проходить в «настоящее начальство».

В силу двойственного положения «шоши» отношение к ней мастеровых было разное: одних считали за своих лучших товарищей, на других смотрели, как на злейших врагов.

«Кричными жомами» в заводах называли разных приемщиков: угля, руды, дров, железа. К выбору «жомов» заводское начальство относилось внимательно и подбирало вполне «надежных» людей, главным образом из лиц конторского труда, которые с голодного куска охотно шли в группу «жомов». Жалованье там было меньше, чем в конторе, но зато выдавались наградные за «пример» и «привес» иногда в размере годового заработка, и представлялась возможность «темного» дохода.

Приемка производилась так, что на ней заводоуправление получало не менее четверти ежегодного дохода.

Кроме «узаконенного» грабежа крестьянского и рабочего труда, производилась специальная надбавка, определявшаяся ловкостью «жомов» и его аппетитом.

Легче всего, конечно, было орудовать с рудой и углем. Здесь помогал и способ укладки, и малограмотность, и разрозненность крестьянства, которое по преимуществу занималось доставкой этих материалов.

С дровами тоже было просто. Тут и усушка, и неплотность кладки, и трухлявое полено – все шло в дело. За все нужна была скидка. И набегало!

Даже с медью и железом ухитрялись «зарабатывать». Прежде всего здесь практиковался узаконенный «поход» на развеску – по десять фунтов с каждого «весу». ⁸ Этот «поход», выкачиваемый в количестве десятка тысяч пудов из кармана рабочего, не оставался в пользу завода – он шел в виде взятки екатеринбургским продавцам сысертского железа и вокзальным служащим, у которых в конце года получался тоже «привес».

Узаконенным «походом» дело, однако, не ограничивалось.

После двенадцати часов «огневой» работы сдатчики от смены, конечно, не имели большого желания задерживаться еще на час – на два, и вот начиналась «маховая работа». Железо проходило по весам, но точно не взвешивалось. Только и слышались короткие выкрики:

«С весу! Пишу сорок один. – С весу! Пишу тридцать восемь». Опытный взгляд весовщика работал в пользу заводоуправления. Получался «поход» сверх «похода» – за быстроту записи и наметанность глаза. Такого дополнительного «похода» набиралось по всем заводам тоже свыше десяти тысяч пудов в год.

Если прибавить к этому, что часть «темного» железа непосредственно сбывалась «жомами» на сторону, то станет ясным, что «обмишуривание» рабочих в Сысертских заводах было поставлено основательно и совершенно откровенно.

Нужно сказать, что отношение рабочих к «жомам» было все-таки терпимое. Все знали, что заводоуправление держит их чуть ли не исключительно на «наградных», которые определялись количеством «привеса». Окажется в конце года «экономия» тысячи три-четыре пудов – дадут «награду» рублей полтора – двести. Это, конечно, немного при пятнадцати – двадцатирублевом жалованье, и рабочие мирились с неизбежностью «жертвовать» не только тысячи пудов владельцу, но и сотни весовщикам.

Недовольство было лишь в тех случаях, когда кто-нибудь зарывался свыше всякой меры, когда все видели, что за счет «привеса» и «примера» начиналась постройка домов, покупка выездных лошадей и так далее. Тогда применялась «учь». На дровяных площадях и в угольных сараях чаще обыкновенного начинались пожары, в магазинах перепутывались сорта железа, производилась повторная сдача, железо попадало «случайному возчику», не доходя до магазинов. И в результате замена зарвавшегося другим приемщиком была обеспечена.

⁸ «Вес» – около сорока пудов.

Заводские

Заводскими назывались не просто жители заводских селений, а те, кто имел какое-нибудь касательство к производству заводов. Сюда входили и крестьяне, занятые на заводских работах.

Наиболее многочисленные группы составляли «руднишные» и «куренные».

Разработка руд в конце прошлого столетия велась в основном на Боевском руднике, где работали крестьяне ближайших к руднику сел и деревень. В заводах «руднишные» показывались главным образом зимой, когда производился прием выработки.

Бесконечные вереницы саней с коричневыми от руды палубками тянулись ежедневно в Сысерть со стороны Боевки. Выбитая ступеньками дорога была тоже коричневой. Около возов шагали коричневые люди.

Хотя они и звались заводскими, но в действительности жили все-таки своей особой жизнью. Для них работа на рудниках и возка руды были подсобными занятиями к основному – крестьянскому.

«Мастерко» смотрел на них сверху вниз, как на «крестьянчиков», хотя иногда завидовал им. Ему, дескать, ловко работать из-за земли-то. Никому не кланяйся!

В действительности было не совсем «ловко». Этих угрюмых коричневых людей загонял на рудники недостаток земли. Из-за земельной тесноты и шли они, от мала до велика, за заработком на рудничные работы и как раз к посеву изматывали своих лошадей на заводской работе.

Их обмеривали самым наглым образом и во время приемки руды из забоя и при доставке на заводы. Расходчики, иногда стеснявшиеся своих фабричных, по отношению к рудничным «орудовали» без всякого стеснения и даже щеголяли своим бесстыдством: «Что он, сипак, понимает? Его на трех копейках обставить можно».

Чтобы превратить два миллиона пудов руды в чугун и железо, заводам, работавшим исключительно на древесном топливе, приходилось вести довольно обширные заготовки дров и древесного угля.

При каждом заводе, иногда не в одном месте, были просторные дровяные площади, где ежегодно ставились «к сушке» длинные поленицы дров, пней и хвороста взамен исчезающих запасов прошлого года. Около угольных сараев тоже постоянно толклись люди с огромными угольными коробами: подвозили и отвозили.

Дроворубы и углежоги назывались куренными рабочими. Большинство из них тоже были крестьяне ближайших сел и деревень, но часть работ, особенно в Полевском заводе, выполнялась коренным заводским населением. В Полевском не редкость было встретить «лошадного мужика», который кормился исключительно куренными работами, прерывая их на время покоса.

Углежение производилось по-старинке, в кучах. Работа эта требовала известных навыков, и те семейства, которые имели в своем составе опытного углежога, зарабатывали лучше других, жили «справно» и держали по десятку лошадей.

«Куренное» ремесло так и передавалось из поколения в поколение. В Полевском заводе можно было найти такие семейства, у которых деды и прадеды робили в курене. Иной раз эти заводские углежоги непрочь были использовать свои навыки для эксплуатации случайных углежогов-крестьян: выряжали, например, несколько коробов угля «за досмотр». Подрядчиками, впрочем, им стать не удавалось. На своей каторжной работе куренные заматывали всех членов семьи. Во время главных работ при запалке куч в лес увозили и всех женщин, кото-

рых можно было взять из дома. Недаром про полевчан говорилось: «Чесноковик⁹ к куреню женится. Работница прибудет».

Кроме «руднишных» и «куренных», в заводах было много так называемых возчиков.

Число грузов было довольно значительно. Возили не только готовые изделия в Екатеринбург, но и между отдельными заводами перебрасывалось много полуфабрикатов. Чугун возили из Сысерти на Верхний и Ильинский, из Северского завода – в Сысерть и Полевской. В общей сложности количество грузов, кроме руды и древесины, было не менее пяти миллионов пудов в год.

Зимой обыкновенно выезжало много крестьян, иногда из сравнительно удаленных селений, чтобы «по дороге» заработать кое-что к весне или по крайней мере «оправдать корма».

Эти случайные возчики были очень выгодны заводууправлению, но для кормившихся извозом заводских жителей зимний выезд крестьянства был бедствием.

– Кадниковцы выехали – четверть копейки слетела.

– А вот скоро леший принесет дальних: Шабурову, Петухову, Белопашину.

– Тут уж опять впроголодь насидишься.

– Им ведь что! Овес свой, лошади кормные, на хлебе.

– Известно, из-за естя робят. Не нам чета.

– За обновами бабам в город-то едут!

– Потянись за ними! У него четыре, как чугуны, а у меня одна – шлаковка. Много на ей увезешь?

Таковыми разговорами встречался каждой зимой выезд крестьян на заработки.

Тревога была вполне законна. Заводууправление по части выжимания копейки было мастеровато. «Жомам» было предписано снижать попудную плату в зависимости от числа приехавших. Бывало, плата с пуда за сорок семь верст от Сысерти до Екатеринбурга доходила до двух с четвертью копеек.

Понижение цен на возку от Сысерти до города неизбежно отражалось и на провозной плате между отдельными заводами, хотя крестьяне обыкновенно за перевозку этого вида не брались, – она им была «не по пути».

Обдирая возчиков, кроме конкуренции крестьян в зимнюю пору, заводское начальство использовало еще один прием – фальшивые версты.

От Сысерти до Екатеринбурга по Челябинскому тракту сорок семь верст. Версты обыкновенные, «казенные». Они и служили основой для расчета за возку. Но между отдельными заводами версты были или «не меряные», или фальшивые. Особенно нагло – это было сделано между Сысертью и Верхним заводом.

Там имеется превосходное шоссе, утрамбованное подрудком. На этом шоссе красиво сделанные столбики отчетливо показывали восемь верст от плотины до плотины, а между тем заводское население не без оснований считало здесь десять верст. Помню, живя на Верхнем, я пытался проверить расстояние, и на первой версте, по которой тянулась линия Верхнезаводского поселка, насчитал свыше двухсот сажень лишку. Таким образом, треть стоимости провоза по Верхнезаводской дороге заводууправление крало. Если считать, что с Верхнего ежегодно вывозилось до четырехсот тысяч пудов сортового железа и столько же привозилось туда болванки, то кража получалась довольно чувствительная – три миллиона двести тысяч пудо-верст.

Конкуренция крестьянства и приемы вроде фальшивых верст делали занятие перевозками очень невыгодным, и из заводского населения шли в возчики только те, кому податься было некуда: инвалиды фабрики, вдовы и «прогнанные» с фабричной работы. Заводили они каким-нибудь способом лошаденку и «брякали» на ней зимой и летом, зарабатывая свой голодный кусок и проклиная крестьян, которые «из-за естя» выезжали зимой на эту же работу. Число

⁹ Прозвище жителей Полевского завода.

таких заводских «возчиков» было значительно, и я не помню случая, чтобы хоть раз заводоуправление было стеснено в перевозках.

Правда, самое большое количество грузов передвигалось зимой, но и в остальное время года – по весенней и осенней распутице – необходимое передвижение грузов не прекращалось.

За возчиками, не уступая им в числе, шла группа «каторжных» рабочих, но о них будет особо.

Приисковые

В Сысертском округе годовая добыча золота достигала в описываемое мною время в среднем двадцати пудов. Кроме того, имелись россыпи хризолитов около Полдневой.

На приисках и россыпях было занято немало постоянных рабочих из заводского населения.

Работы велись преимущественно самим заводоуправлением, но часть золота и камней добывалась старателями, которые занимались главным образом разведкой. Особенно много таких старателей было в Полевском и Северском заводах. Там по Чусовой и ее мелким притокам отдельным счастливым удавалось не раз нападать на «верховую жилу». Одно время золотая зараза захватила чуть не поголовно население Полевского завода. Даже «исконвешные углежог», и те бросили курень и занялись «богатым делом». Рыли где попало. Проедали последнее, а все не хотели «попустить счастья».

При удаче картина была однообразная: пьянство и дикая трата денег вроде засыпания пряниками и орехами ухабов на выбитой дороге во время масленичного катания.

Помню, один из таких приисковых людей – Стаканчик – любил подробно рассказывать, как ему удалось найти на казенных (заводских) приисках самородок невиданного размера. Сдать заводоуправлению было нельзя – боялся, что просто отберут, объявят находку казенной. Пошел к местному торговцу Барышеву, который, между прочим, промышленял скупкой и сбытом «мелкого товару». Взвесили. Оказалось восемнадцать фунтов. У торговца нехватило денег. Тогда разрубили самородок и «честно» – рука об руку – произвели сделку.

О дальнейшей судьбе своего счастья Стаканчик говорил коротко: «Два года из кабака не выходил». И только... Остальное золото перешло к тому же Барышеву, который предусмотрительно держал лучший в Полевском заводе кабак. Больше Стаканчику в жизни не «пофартило», и два года безвыходного кабацкого гулянья оказались единственным «светлым пятном» в его тяжелой приисковой жизни.

На старости Стаканчик «усчастливился» – попал сторожем к заводским магазинам, в людное место, где можно было всегда знать новости о «земляном богатстве», думать о котором старик никогда не переставал.

Приблизительно такова же была участь и других «счастливицев».

В лучшем случае начиналась постройка домов. Обязательно каменных, необыкновенно толстостенных, двухэтажных. Но редко эта постройка доводилась до конца. Обыкновенно «счастливец» успевал безнадежно прожиться и потерять «счастливую жилу». Такие недостроенные дома служили чем-то вроде памятников об «удаче на золото». Полевские старожилы, показывая на недостроенные, порой уже разваливающиеся здания, говорили:

- Это когда на Шароглазке песок нашли.
- На кразелите фартить стало.
- Зюзевский этта. Около Бревера нашел.

Удачливая добыча была редкостью. На вопрос: «Как блестит?» – одни начинали уныло рассказывать, что уже не первый раз докапываются до той земли, где прежде люди жили, а все не фартит, другие жаловались на заводское начальство, которое захватило площадь, как только началась удача. Последнее было делом самым обыкновенным. Заводское начальство,

видимо, следило за старателями, и чуть только им удастся найти россыпное золото в значительном количестве, сейчас же окажется, что кругом назначена разработка от заводов. Это для старателя значило:

«Иди ищи в другом месте, а здесь уж мы возьмем сами».

Такая политика заводоуправления заставляла старателей «сторожиться» и «не оказывать богатства». Иногда попавшие на богатую россыпь специально начинали вести разработку в разных местах, чтобы сбить с толку заводоуправление. Сделать это можно было только при сравнительно большой компании. Но уж, видно, таково свойство золота, что около него всегда люди дерутся. Так было и с этими старательскими компаниями. Начинались перекоры, взаимное недоверие, и в результате выплывало место «хорошей жилы».

Положение рабочих на казенных (заводских) приисках отличалось от положения фабричных мастеровых только тем, что было гораздо хуже: помимо скудного заработка, тяжелой работы и обжуливания со стороны начальства, им приходилось ночевать в плохо приспособленных для жилья бараках и жить в отрыве от семьи.

Иногда, впрочем, удавалось «замыть золотничок», о чем обыкновенно узнавалось в ближайший праздник в одном из заводских кабаков.¹⁰

Работа старателя, несмотря на неопределенность заработка, была все же много интереснее и тянула рабочих с заводских приисков.

Многие работали на заводских только для того, чтобы «сколотить копейку на свою работу». Иной целый год «хлещется в забое», скверно питается и даже удерживается от водки, и все для того, чтобы летом «порыться на чувовских покосах».

– Вон на Шароглазке, сказывают, нашли богатимое золото под первым пластом.

– Ну, а под Косым-то Бродом, помнишь?

Вспоминались несколько счастливых мест, которые всегда держались в памяти старателей.

И как будто нарочно для того, чтобы не прекращалась золотая лихорадка, обыкновенно кто-нибудь находил золото в самом неожиданном месте. Не только старатели, но и многие рабочие с казенных приисков бросались тогда на поиски золота в местах, близких к «счастливой жиле».

Даже фабричные рабочие и заводские служащие втягивались в эту погоню за золотом.

В Полевском заводе, например, некоторые рабочие и мелкие служащие, если лично не участвовали в старательских работах, то вносили свою долю деньгами в компания старателей. Из-за этих компанейских взносов некоторым приходилось совсем туго. Жили впроголодь, а все-таки не хотели отказаться от мысли: «Только бы фартнуло – не слуга я больше Сысертским заводам».

Спичечники и кустари

Вблизи Сысерти был небольшой спичечный завод, принадлежавший Белоносовой, или, как звали ее, Белоносихе. Завод что называется, – стрень-брень, а дела вел большие. Вырабатываемая здесь спичка-серянка шла главным образом в Сибирь.

Соседство спичечного завода сказывалось на каждом шагу. Чуть не во всех заводских сторожках строгаги спичечную соломку, и во многих семьях, особенно в «Рыму» и в заречной части, с утра до вечера вертели из толстой грязнорозовой бумаги круглые пакетики для спичек, наляпывая на них в места соединений особый состав для зажигания. Накладывался

¹⁰ Был такой жуликоватый барон – Бреверн, ухитрившийся заложить и продать свои прииски вблизи деревни Косой Брод чуть не в десять рук сразу. Землю между тем кособродчане считали своей и вели судебное дело с этим титулованным мошенником. (Прим. автора.)

он, впрочем, так экономно, что им нельзя было пользоваться. Спички зажигали о стену, об одежду, о сапог.

Эти работы на дому оплачивались так низко, что за них брались только при крайней нужде.

На самом заводе занимались резкой соломки, изготовлением головки, сушкой и укупоркой.

Головки готовились примитивным способом. В плоские четырехугольные сосуды наливался тонким слоем раствор фосфора, и «макальщики», сунув в этот раствор приготовленную соломку, несли пучки в сушило.

Главный состав рабочих в макальном и сушильном были женщины и дети. Работа считалась такой «легкой», что на нее принимали иногда детей школьного возраста. Однако эта «легкая» работа чрезвычайно разрушительно действовала на организм. Дети, проработав в макальщиках с год, начинали терять зубы. Для тех же рабочих, которым приходилось возиться с составлением и наливанием раствора, дело на этом не кончалось. Разрушались не только зубы, но и челюсти, которые приходилось удалять путем операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.